

Кругликова Ольга Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб. 7–9
history@jf.spbu.ru, oskruglikova@yandex.ru

ВОПРОС О СУДЕБНОЙ РЕФОРМЕ 1864 Г. В ПУБЛИЦИСТИКЕ Н. П. ГИЛЯРОВА-ПЛАТОНОВА И Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

В статье рассматриваются публицистические выступления Н. П. Гилярова-Платонова и Ф. М. Достоевского, посвященные проблеме подготовки и внедрения в практику русского судопроизводства суда присяжных; анализируется осмысление ведущими публицистами консервативного направления различных аспектов судебной реформы 1864 г. Консервативные публицисты XIX в., размышляя о суде присяжных в России, показывали ошибочность такого подхода к реформированию общественной жизни, который пренебрегает силой обычая и традиции, не учитывает особенностей национального характера. С их точки зрения, многие черты русского менталитета могут препятствовать гармоничному внедрению западноевропейских моделей судопроизводства в России. В их числе они называли характерное для русского общества пренебрежение буквой закона, выражавшееся в традиционном представлении о том, что правила христианской нравственности выше писаного закона, так называемый правовой нигилизм русского народа, и характерное для православного мирознания нежелание брать на себя право суда над ближним, а также повсеместное стремление граждан любыми путями уклониться от выполнения общественных поручений и гражданских обязанностей. Подробно анализируя эти черты русского характера, истоки их появления, исторические и социокультурные факторы, повлиявшие на их становление, а также первые опыты работы нового суда, публицисты приходили к выводу, что калькирование западноевропейской модели судопроизводства в России без ее предварительной адаптации к специфике традиционных общественных отношений приведет не к гармонизации судебной сферы, но к хаосу в ней, и будет напрасной тратой общественных сил. Анализ практики работы суда присяжных в России в XIX в. показывает обоснованность такого взгляда — действительно, были зафиксированы массовые случаи уклонения от исполнения обязанности присяжного, повсеместно выносились оправдательные приговоры даже в случае неоспоримо доказанной и признанной самим подсудимым вины в тяжких уголовных преступлениях. Публицистические выступления Н. П. Гилярова-Платонова и Ф. М. Достоевского по вопросу о судебной реформе привлекали широкий общественный интерес, хотя прозвучавшие в них предостережения и рекомендации не были учтены на практике. Библиогр. 16 назв.

Ключевые слова: Н. П. Гиляров-Платонов, Ф. М. Достоевский, суд присяжных в России, судебная реформа 1864 г.

Kruglikova Olga

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia
history@jf.spbu.ru, oskruglikova@yandex.ru

THE PROBLEM OF THE JUDICIAL REFORM OF 1864 IN THE PUBLICISM OF NIKITA GILYAROV-PLATONOV AND FYODOR DOSTOYEVSKY

The article reviews publicist speeches of N. P. Gilyarov-Platonov and F. M. Dostoevsky on the trial jury in Russian legal proceedings practice. The conservative writers of the XIX century, reflecting this theme, demonstrated the fallacy of the approach to public life reformation, which neglects the influence of the customs and traditions and ignores the features of the national character. From their point of view, many features of the Russian mentality can hinder the harmonious introduction of the Western European legal models in Russia. Among them they called so-called “legal nihilism” of Russians; the typical for the Orthodox consciousness unwillingness to trial fellowmen as well as the widespread

desire to avoid the execution of public errands and civic obligations by all means. Thoroughly analyzing these features of the Russian character, origins of their appearance, historical and socio-cultural factors influenced their formation as well as the first experiences of a new court, the publicists came to the conclusion that tracing the Western European model of justice in Russia without its preliminary adaptation to the specifics of traditional public relations would lead not to the harmonization of the judicial sphere, but to chaos and would be a waste of social forces. The analysis of the trial jury work practices in Russia in the 19th century reveals the validity of this view — indeed, the numerous cases of evasion from the duties of the sworn were recorded, the trial jury universally acquitted even in case of indisputably proven and accepted by the defendant guilt in serious criminal offenses. Publicist performances of N. P. Gilyarov-Platonov and F. M. Dostoyevsky on the subject of judicial reform have attracted wide public interest, but sounded warnings and recommendations have not been taken into account in practice. Refs 16.

Keywords: Nikita Gilyarov-Platonov, Feodor Dostoyevsky, jury in Russia, judicial reform of 1864.

Судебная реформа являлась одной из наиболее радикальных реформ царствования Александра II, столь же долгожданной и сложной, как и крестьянская. Еще в царствование государя Николая Павловича многочисленные проекты преобразования судебной и следственной части готовились сотрудниками Второго отделения Собственной ЕИВ Канцелярии под руководством статс-секретаря М. А. Балугьянского. Однако все проекты улучшений разбивались о невозможность их полноценно реализовать в условиях существования крепостного права и оставались лишь теоретическими построениями. И только на заре царствования Александра II, когда вопрос об отмене крепостного права гласно встал на повестку дня, разрабатываемые параллельно с деятельностью редакционных комиссий по крестьянскому вопросу проекты реформы суда стали носить вполне практический характер. «Великая крестьянская реформа 1861 г. коренным образом изменила правовую жизнь России тем, что одним актом в стране появилось несколько тысяч новых субъектов права, которые до того были полностью исключены из правовой действительности государства» [Ковалева 2002].

Среди государственных деятелей, так или иначе причастных к процессу разработки реформы, сразу же образовалось два лагеря: либералы, возглавляемые князем П. Д. Долгоруким, настаивали на прямом калькировании в России доказавшего свою жизнеспособность западного образца суда, а сторонники консервативных взглядов поддерживали мнение графа Д. Н. Блудова о необходимости сообразовать западные судебные учреждения с историческим опытом России.

Реформа суда подготавливалась почти 10 лет и формально завершилась принятием новых Судебных уставов 20 ноября 1864 г. Новые уставы утверждали независимость суда от администрации и судебные органы, возглавляемые Сенатом и состоящие из двух структур: местных судов (волостного и мирового) и общих (окружного суда и судебной палаты). Уголовное отделение имело своей составной частью суд с участием присяжных заседателей, а при судебной палате учреждался институт присяжных поверенных (адвокатов). При этом необходимо отметить, что принятие уставов не означало, собственно, немедленного внедрения утверждаемых институтов: на их практическую реализацию потребовалось едва ли не больше времени, чем на их теоретическую разработку.

До 26 июля 1866 года (когда в Петербурге были рассмотрены первые дела с участием присяжных заседателей) суд присяжных в России фактически не действо-

вал. До этого велась лишь подготовительная работа: подбирались и благоустраивались помещения для окружных судов, открывались окружные суды, создавались Временные комиссии, которые составляли и публиковали в «Губернских ведомостях» общие, очередные и запасные списки присяжных заседателей и т. п. [Демичев 2001, с. 139].

В целом общественная дискуссия о судебной реформе была направлена на обсуждение двух ключевых ее моментов: института адвокатуры и суда присяжных. Адвокатура, хотя и имела в российской традиции прообраз в виде послухов или служебных поверенных, была в целом институтом непривычным, так как «с утверждением инквизиционного процесса фигура поверенного утратила свою роль и стала ненужной» [История российского правосудия 2012, с. 237]. Особенную настороженность консерваторов вызывал тот факт, что именно адвокаты составляли значимую группу среди инициаторов и активных деятелей революции во Франции конца XVIII в. Однако, несмотря на это, консервативный лагерь все-таки принял позитивно идею внедрения адвокатов в судебный процесс, и граф Блудов даже сам выступил с таким предложением в Сенате. Вопрос относительно суда присяжных представлялся более сложным и дискутировался многократно даже и после внедрения реформы.

Полемика в прессе о характере будущей реформы началась еще в 1858 г., когда некоторые проекты преобразований были преданы гласности. Идеи бессословности судопроизводства, его открытости и состязательности находили широкую поддержку в печати. Либеральное крыло русской прессы приветствовало реформирование судебной системы как первый шаг к конституционализму.

Консервативная печать, в целом разделяя критическое отношение либералов к дореформенному суду и пониманию того, что николаевская судебная система должна быть реформирована, выступала с разносторонней критикой планируемых преобразований.

Специфика социально-политической концепции русского консерватизма никогда не предполагала инертного сопротивления любым реформаторским начинаниям [Санькова 2007; Филиппова 1995]. Традиционное представление о том, что консерватизм тяготеет к статичности, в отношении представителей русского консерватизма неправомерно. Кредо, сформулированное одним из главных идеологов русского консерватизма М. Н. Катковым, «плохие те консерваторы, которые имеют своим лозунгом status quo, как бы оно ни было гнило» [Катков 2011, с. 39], определяло позитивное в целом отношение консерваторов к государственным преобразованиям и обуславливало формирование своеобразного типа общественных и государственных деятелей в России XIX в., которых исследователи часто называют «консерваторами-преобразователями» или «консервативными реформаторами» [Либеральный консерватизм 2001]. В духе общей концепции русского консерватизма преобразования отдельных отраслей государственной жизни воспринимались не только как возможные, но как желательные и необходимые, однако только те преобразования, которые не противоречат ценностям сильного монархического централизованного национального государства, сохранению незыблемости православной веры и осуществляются с учетом национальных традиций и черт менталитета.

Для консервативной парадигмы были характерны опора на религиозное мироощущение, общий скепсис по отношению к последовательно развиваемому в рамках

либеральной доктрины рационалистическому взгляду на мир и антропологический пессимизм — признание исходного несовершенства греховной человеческой природы. Это приводило русских консерваторов к специфическим воззрениям на правовые аспекты жизни общества. Так называемый писанный закон, т. е. кодифицированные нормы права, являвшиеся порождением априорно несовершенного человеческого разума и строящиеся на рационалистическом представлении о справедливости, с точки зрения русских консерваторов, зачастую вступали в противоречие с принципами более высокого порядка — принципами христианской нравственности и милосердия. Кроме того, ограниченность человеческого сознания, не позволяющая осмыслить и исчерпать все многообразие жизненных ситуаций, как полагали консерваторы, влечет за собой неизбежное несовершенство законов. С этой точки зрения некоторые идеологи консерватизма даже обосновывали гармонию монархического принципа, видя в фигуре монарха, стоящего выше закона и имеющего право поступить вопреки закону, руководствуясь личным здравым смыслом и христианским милосердием, гаранта истинной справедливости, свободного от ошибок законодательной казуистики. Неудивительно, что в обсуждении реформы судопроизводства консерваторами особенно пристальное внимание уделялось осмыслению этической стороны нового суда. Наиболее глубокое освещение эта тема получила в творчестве Н. П. Гилярова-Платонова и Ф. М. Достоевского. Причем если взгляды Достоевского в данном вопросе довольно широко изучены [Дорошева 2005, Твардовская 1990, Тонких 2005], то публицистика Гилярова-Платонова только в последнее время начинает привлекать к себе внимание исследователей, оставаясь по-прежнему малоизвестным и недооцененным явлением в истории русской журналистики и общественной жизни. А между тем глубокие и своеобразные публикации Гилярова-Платонова по наиболее острым проблемам русской общественной жизни органично вплетались в общественный диалог эпохи, переключаясь с произведениями Ф. М. Достоевского, контрастируя с выступлениями Л. Н. Толстого, дополняя статьи И. С. Аксакова.

Сравнительный анализ позиций Гилярова-Платонова и Достоевского в отношении реформы суда представляет особенный интерес в связи с тем, что высказывались они на разных этапах реализации реформы. Н. П. Гиляров-Платонов размышлял о преобразовании суда в период планирования реформы: наиболее полно он рассматривает эту тему в статьях «По поводу будущего суда присяжных», увидевших свет в 45-м, 46-м и 49-м номерах газеты «День» за 1862 г. Ф. М. Достоевский же анализирует действительную практику нового суда, как она представлялась уже после его внедрения, в 1876–1877 гг. В первом случае — это абстрактное, теоретическое предвидение грядущих проблем, а во втором — критическое осмысление проблем реальных, существующих в современной публицисту картине мира.

Критика Н. П. Гиляровым-Платоновым предполагаемого суда присяжных в основном касается не столько самой идеи такого суда, сколько перспектив его внедрения именно на русской почве. Суд присяжных в его идеальной форме Гиляров-Платонов, напротив, считает самым христианским из всех европейских учреждений, ибо он по форме своей ближе всего к церковному собору. Причем особенно он подчеркивает важность того факта, что присяжные выбираются только на одно дело, их миссия кратковременна и это само по себе исключает тот главный минус, который русские консерваторы всегда видели в европейских представительских уч-

реждениях — борьбу своекорыстных интересов конкретных людей, а также групп и классов, к которым они принадлежат: «Присяжный есть орудие не личных интересов или интересов отдельного сословия, что поставляется почти в обязанность членам представительных собраний» [Гиляров-Платонов 1899, с. 84].

Как религиозный философ и человек, близкий по убеждениям к славянофильству, он полагал, что нововведение должно сообразовать с менталитетом народа. Специфика миросозерцания русских имеет черты, препятствующие успеху внедрения состязательного гласного суда. Одна из них — это «то единодушие, с которым все уклоняются от избрания в общественную должность, и все относятся к должности совершенно внешним образом по избранию», причем «даруемое как право и всеми народами почитаемое за право, русским народом положительно признается за повинность» [Гиляров-Платонов 1899, с. 95–96].

Главной же причиной скепсиса Гилярова-Платонова относительно развития суда присяжных в России было то, что в народе, как справедливо полагал публицист, царит убеждение в главенстве нравственного закона над законом писанным, вылившееся в откровенное пренебрежение последним.

Так называемый правовой нигилизм, т. е. непризнание важности абстрактной нормы права и общее пренебрежение законом, и по сей день является одной из отличительных черт российского менталитета. Современные исследователи нормативно-ценностной системы российского общества отмечают только в 2010 г. постепенное сокращение правового нигилизма в общественном сознании россиян, которое, правда, пока выражается только в том, что число граждан, утверждающих необходимость соответствия любого решения формальному закону, достигло лишь 54 %. На протяжении всех предшествовавших этапов развития российского общества число тех, кто полагал, что «не важно, соответствует ли закону, главное, чтобы было справедливо», существенно превышало число их оппонентов [Тихонова 2011, с. 62–63].

При этом русский правовой нигилизм, и это также отмечал и доказывал Гиляров-Платонов, проистекает отнюдь не от аморальности народа и тяги его к беззаконию, напротив, источник его заключается в признании нравственного, неписаного закона, выраженного в традиции, в верованиях и обычаях народных, первичным и главным по отношению к абстрактной норме права. Гиляров-Платонов писал:

Значение закона — печатной книги, в которой изложен действующий устав государства и все его порядки, для русского человека мало понятно. Окончательно он поймет только то, что есть «такая книга царских указов, чтобы ведали подначальные люди волю царскую. Нельзя же царю везде поспеть самому!» Но чтобы закон был выше живой власти, или даже равен ей, чтоб он был чем-то таким, перед чем должно быть «слугой», этого не поймут [Гиляров-Платонов 1899, с. 100].

Отсюда и традиционное недоброжелательство в русском народе к людям, которые вообще прибегают к решению гражданских дел через суд — в обыденном правовом сознании русского народа такой человек считался безнравственным, ибо стремление искать правды по судам, апелляция к писаному праву в делах гражданского общежития воспринимались как неспособность договориться «по справедливости», решить дело полюбовно в соответствии с обычаем.

Необходимо отметить, Гиляров-Платонов концентрируется в данном случае только на одной стороне вопроса, не замечая, что такое положение вещей в русском обществе XIX в. порождалось не только противоречиями религиозно-философского свойства, но и более прозаическими причинами, к числу которых относилась неразбериха, традиционно царившая в законодательстве. Не случайно каждый русский монарх, начиная с Елизаветы Петровны, предпринимал попытки составления упорядоченного свода законов, устранения противоречий между отжившими, но формально не отмененными законодательными актами и позднейшими законодательными усовершенствованиями. Ближе всего к реализации этой задачи подошли в царствование Николая I, однако осуществленная под руководством М. М. Сперанского законодательная работа не устранила полностью существовавших противоречий, русское гражданское право и в середине XIX в. отличалось нечеткостью формулировок и причудливыми сочетаниями разнонаправленных тенденций [Веретенко 2012, с. 105]. Так, в регулировании семейных отношений функционировали размытые юридические понятия родительской власти над детьми и власти мужей над женами. «Теоретическая широта распространения родительской власти дополнялась отсутствием четкого определения ее границ» [Веретенко 2012, с. 106], границы эти юристы пытались сформулировать и осмыслить в применении к конкретному рассматриваемому случаю, исходя из общего здравого смысла. Декларируемое законом подчиненное положение жен по отношению к мужьям и детей по отношению к родителям сочеталось с признанием возможности раздельного владения собственностью для членов семьи и, следовательно, имущественной самостоятельности жен и детей, ослаблявшей механизмы реального осуществления родительской и мужней власти. Неудивительно, что в такой ситуации «правовая неразбериха вполне компенсировалась многолетними семейными традициями, на которых, собственно, и держалась реальная практика» [Веретенко 2012, с. 107]. Семейное право, разумеется, лишь одна отрасль законодательства, однако данный пример наглядно демонстрирует тот факт, что ментальный правовой нигилизм русских имел своим источником не только сложную диалектику правового и нравственного, но и необходимость обращением к традиции компенсировать многовековое несовершенство законодательства.

Пренебрежение формальным законом, накладываясь на еще одну важную черту русского менталитета — свойственное православной парадигме сознание безнравственности присвоения себе права суда над ближним, будет, как предсказывал Гиляров-Платонов, приводить к тому, что в России суд присяжных будет выносить в основном оправдательные приговоры. Руководствуясь народным принципом «кто Богу не грешен, кто царю не виноват, не нам судить, помилуем», присяжные будут оправдывать доказанных преступников, нарушая тем самым букву писаного закона. Руководствуясь представлением о том, что право наложить кару, как и право определить жестокость этой кары, сугубо во власти Божией, русский человек, не отрицая самой необходимости правосудия, будет всегда стремиться уклониться от личного участия в нем.

Предсказание Гилярова-Платонова в целом сбылись:

...репрессивность суда присяжных (отношение количества осужденных обвиняемых к общему числу подсудимых) составляла в 1873–78 гг. 64,3 процента..., именно большее количество оправданий присяжных заседателей по сравнению

с профессиональными судьями являлось серьезной причиной нападков на суд присяжных [Демичев 2001, с. 142].

Этот же факт подтверждает и А. Ф. Кони в очерке «Присяжные заседатели», вышедшем в свет в февральском номере «Русской старины» за 1914 г.:

Дела, по которым раздаются нарекания на присяжных заседателей, распадаются, в сущности, на две категории: на дела, по характеру и свойствам преступления не привлекающие особого общественного внимания, в которых присяжным... ставится в упрек признание невиновности, несмотря на собственное сознание подсудимого, и на дела, в которых оправдание идет вразрез с надеждами услышать приговор обвинительный [Кони 1991, с. 37].

Особенно лояльны присяжные, как справедливо полагал Гиляров-Платонов, будут в отношении преступлений против собственности. Отсутствие культуры отношения к праву частной собственности в России привело к тому, что русское обыденное правосознание было крайне снисходительно в осуждении воровства, почти не считая его преступлением.

Причем любопытен тот факт, что от излишне сурового решения присяжных суд отчасти был застрахован: председатель суда (квалифицированный юрист, а не рядовой обыватель) в случае, если присяжные выносили приговор «виновен» в адрес человека, вина которого юридически не была доказана, имел право не признавать вердикт окончательным и инициировать пересмотр дела новым составом присяжных. А вот в случае, если вина была юридически доказана и даже признана самим подсудимым, а присяжные выносили вердикт «невиновен», обвиняемого отпускали немедленно из зала суда, и права отправить дело на пересмотр для председателя не предусматривалось. Причем решение выносилось не обязательно единогласно, достаточно было простого большинства голосов, а если голоса делились поровну, то решение принималось в пользу подсудимого, т. е. для оправдательного приговора было необходимо снисходительное отношение всего лишь шести присяжных заседателей.

Учитывая всесословный характер суда присяжных, необходимо задаться вопросом: а так ли значительно было влияние народного элемента со свойственным ему традиционными представлениями обыденного права, о которых говорит Гиляров-Платонов? Не компенсировалась ли юридическая безграмотность крестьян влиянием тех присяжных, которые являлись представителями образованных классов, и вообще многочисленны ли были крестьяне в составе суда присяжных, учитывая наличие имущественного ценза?

Имущественный ценз, установленный новыми уставами, «в реальности не был чрезмерно высоким, о чем свидетельствует социальный состав присяжных заседателей, в котором в значительной мере преобладали крестьяне» [История российского правосудия 2012, с. 261].

Преобладание крестьянского элемента в составе присяжных вызывало и еще одну проблему, которой также уделял внимание Гиляров-Платонов. Для крестьянина почетное право участия в общественной жизни будет крайне обременительно, предполагал публицист, ведь цикл сельскохозяйственных работ не подразумевает длительной отлучки из деревни. Крестьянин, оставивший хозяйство, каждый

день терпел убытки, не говоря уж о том, что жизнь в городе была ему не по карману, а слушания иногда затягивались.

Постфактум проблему, которую задолго до возникновения предсказывал Гиляров-Платонов, констатирует и А. Ф. Кони:

Бедность крестьян, призываемых к исполнению обязанностей присяжных, и сопряженное в ней трудное положение их во время сессии давно уже обратили на себя внимание и литературы и земств. Многие из последних стали выдавать крестьянам-присяжным небольшое пособие на время пребывания их в городе. Но скрытые недоброжелатели суда присяжных начали вопить о том, что исполнение судебных обязанностей обывателями есть не повинность, а дорогое политическое право, вознаграждение за использование которого извратило бы его существо [Кони 1991, с. 33].

В 1872 г. Сенат действительно признал невозможными такие выплаты, и «... исполнение обязанности присяжного заседателя являлось общественной повинностью, от исполнения которой не мог “уклониться ни один член общества, способный нести ее”, причем “исполнение обязанности присяжного являлось довольно обременительной повинностью, поэтому законодательство стремилось оградить граждан от слишком частого ее выполнения — никто не мог быть призываем для исполнения этой обязанности более одного раза в год”» [История российского правосудия 2012, с. 261–265].

Много позже, когда суд присяжных уже активно вел свою работу, Ф. М. Достоевский, анализирувавший на страницах «Дневника писателя» в конце 1870-х гг. результаты внедрения реформы, в целом подтвердил правильность прогнозов, данных Гиляровым-Платоновым за полтора десятилетия до того.

Достоевский также обращал внимание на проблему необоснованной снисходительности присяжных, разрушающей саму идею суда. Осмысляя этот вопрос, Гиляров-Платонов и Достоевский рассматривают разные аспекты проблемы. Это обусловлено тем, что, как уже отмечалось, публицисты высказывались на разных этапах реализации реформы и, следовательно, ставили перед собой различные задачи. Гиляров-Платонов пишет о будущей, планируемой реформе, цель его произведения — обозначить возможную проблему и ее истоки, привлечь к ней внимание для того, чтобы предотвратить ее появление. Он адресует преимущественно к тем, кто принимает непосредственное участие в разработке реформы, предупреждая их, что репрессивность суда присяжных будет неадекватно низкой. Достоевский же анализирует проблему, уже проявившуюся во всей полноте, менять порядок судопроизводства поздно, реформа уже состоялась, и адресаты публицистики Достоевского не законодатели, а скорее реальные и потенциальные присяжные, которым необходимо объяснить, почему их представление о своей функции ошибочно.

Поэтому в центре внимания Достоевского вопрос о глубинном духовном смысле наказания, разбираемый на основе анализа современных ему судебных процессов. Утверждение личной ответственности за выбор между добром и злом, лежащей в основе христианства как религии свободы, приводило его к идее о том, что смягчение наказания, особенно по модным тогда мотивам «влияния среды», унижает и губит самого преступника, который для своего духовного возрождения нуждается в очищении справедливым и строгим наказанием.

А. Ф. Кони полагал, что «закон открывает перед присяжными широкий горизонт милосердия, давая им право признавать подсудимого заслуживающим снисхождения “по обстоятельствам дела”. Из всех “обстоятельств дела” самое важное, без сомнения, личность подсудимого, с его добрыми и дурными свойствами, с его бедствиями, нравственными страданиями, испытаниями» [Кони 1991, с. 35].

Но именно эта идея объяснить преступление человека только влиянием обстоятельств, бедствиями, развратом среды и возмущала Достоевского:

Выходит, что преступление как бы не признается преступлением вовсе; обществу возвещается, да еще судом же, что совсем, дескать, и нет преступления, что преступление, видите ли, есть только болезнь, происходящая от ненормального состояния общества... [Достоевский 2011, с. 519].

Но чтобы признать общество единственным источником преступления, необходимо

...совершенно обезличить человека, отнять у него всякую самость и жизнь, приравнять его к пушинке, зависящей от первого ветра, одним словом, возвестить какую-то новую природу человека [Там же].

Истинная же и неизменная природа человека содержит в себе как главный и неотъемлемый признак право свободного личного выбора между добром и злом. В отличие от социалистов-материалистов, которым свойственно было объяснять все душевные движения и поступки человека влиянием среды и отталкивавшихся от постулата «исправьте общество, и исправятся люди», Достоевский всегда полагал, что решение этого вопроса лежит в сфере религиозных идей, индивидуального духовного бытия, что на преступление могут толкнуть человека сложные диалектические противоречия его внутренней жизни, а не только бытовые жизненные обстоятельства. Поэтому в произведениях Достоевского так много «теоретических преступников», совершающих преступление в поисках грани дозволенного, в процессе исследования собственной духовной природы.

Поэтому и вопрос о наказании обретает иной смысл. Проявляя снисхождение к признавшему свое преступление преступнику, суд не милует его, а напротив, наказывает бесповоротно и окончательно, лишает шанса на будущее очищение и возрождение через заслуженное наказание. Лишает человека ответственности за свой моральный выбор, а именно эта ответственность и делает человека человеком.

В публицистике Достоевского нашли свое отражение и внутренние противоречия сущности адвокатуры. Рассуждая о талантах модного молодого адвоката Спасовича, Достоевский пишет:

В высшей степени нравственно и умирительно, когда адвокат употребляет свой труд и талант на защиту несчастных; это друг человечества, но вот у вас является мысль, что он заведомо защищает и оправдывает виновного, мало того, что он иначе и сделать не может, если б и хотел. <...> Мерещится нелепейший парадокс, что адвокат и никогда не может действовать по совести, не может не играть своею совестью, если б даже и хотел не играть, что это уж такой обреченный на бессовестность человек [Достоевский 2011, с. 261–262].

Эта идея перекликается с мотивом, звучавшим в публицистике Гилярова-Платонова, который утверждал, что именно как человека, обреченного на бессо-

вестность, будет воспринимать адвоката простой народ, коверкающий в просторечии непривычное слово и уже давно породивший поговорку «аблакат — продажная совесть».

Но я все-таки восклицаю невольно: да, блестящее установление адвокатура, но почему-то и грустное. ...Так мне кажется, и наверно от того только, что я не юрист; в том вся беда моя. Мне все представляется какая-то юная школа изворотливости ума и засушения сердца, школа извращения всякого здорового чувства по мере надобности. Школа всевозможных посягновений, бесстрашных и безнаказанных, постоянная и неустанная. По мере спроса и требования, и возведенная в какой-то принцип, а с нашей непривычки и в какую-то доблесть, которой все аплодируют. Что ж, неужто я посягаю на адвокатуру, на новый суд? Сохрани меня боже, я всего только хотел, чтоб мы все стали немного получше [Достоевский 2011, с. 286].

Многие эти идеи нашли впоследствии отражение в романе «Братья Карамазовы» — в описании суда над Митей целую главу романа занимает речь знаменитого столичного адвоката Фетюковича, которая кажется шедевром судебного красноречия, и только название главы выдает истинное отношение Достоевского к адвокатуре — глава называется «Прелюбодей мысли».

Все обозначенные организационные и морально-этические проблемы, связанные с внедрением суда присяжных, привели к тому, что к середине 1880-х гг. резко обозначился кризис нового суда. «Несоответствие российского менталитета характеру и форме суда присяжных должно было привести либо к изменению законодательства о суде присяжных, либо к изменению менталитета. Последнее в короткий промежуток времени практически невозможно, поэтому было изменено законодательство» [Демичев 2001, с. 141]. После известного доклада 1885 г. «О необходимости судебных реформ», представленного К. П. Победоносцевым Александру III, правительство сочло необходимым «отделаться» от суда присяжных как от учреждения, инородного имперскому государственному организму. Постепенное сокращение юрисдикции суда присяжных привело к тому, что к началу 1890-х лишь около половины судебных дел рассматривались присяжными, а на рубеже веков и это число снижалось в связи с открытием новых окружных судов, где суда присяжных уже не было.

Неудивительно, что именно публицисты-консерваторы, приверженцы национальной традиции, осмыслили вопрос о введении нового суда с точки зрения его органичности русскому общественному быту. Отчасти и в современной политической практике актуальна тенденция к механическому копированию инкультурных элементов общественного устройства, априорно рассматриваемых как более прогрессивные по отношению к выработанным отечественной традицией. Это неизбежно приводит к провалам начинаний, казавшихся безусловно благими. «Проблемы, которые возникают при воссоздании в России западных демократических институтов, зачастую анализируются только в политическом или идеологическом плане и обозначаются как трудности перехода от тоталитарного к демократическому обществу. Однако эти проблемы предстают в несколько ином свете, если учитывать различие в особенностях национального развития, разницу национальных традиций и национальных менталитетов России и Запада» [Вольвач 2001, с. 14]. Публицисты XIX в., размышляя о суде присяжных в Рос-

сии, показывали ошибочность такого подхода к реформированию общественной жизни, который пренебрегает силой обычая и традиции, не учитывает особенностей национального характера.

Литература

- Веремченко 2012 — Веремченко В. А. “Бытовые аспекты правового нигилизма (государство и дворянская семья в России в конце XIX — начале XX вв.)” *Российская действительность XIX–XX вв. и революционный процесс*. СПб.: Лики России, 2012. С. 102–120.
- Вольвач 2001 — Вольвач В. Г. “Российская и западноевропейская системы ценностей в социально-политической практике.” *Омский научный вестник*. 15, 2001: 37–42.
- Гиляров-Платонов 1899 — Гиляров-Платонов Н. П. *Сборник сочинений: В 2 т.* Т. 1. М.: Изд-во К. П. Победоносцева, 1899. 497 с.
- Демичев 2001 — Демичев А. А. “Периодизация истории суда присяжных в России.” *Журнал российского права*. 7, 2001: 137–150.
- Дорошева 2005 — Дорошева Е. В. *Достоевский и русский суд как основа национально-правовой этики: феноменология образов*. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. КубГУ. Краснодар, 2005. 24 с.
- Достоевский 2011 — Достоевский Ф. М. *Дневник писателя: В 2 т.* Т. 1. М.: Книжный клуб 36.6, 2011. 800 с.
- История российского правосудия 2012 — *История российского правосудия*. Колоколов Н. А. (ред.). М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 448 с.
- Катков 2011 — Катков М. Н. *Собрание сочинений: В 6 т.* Т. 2. Русский консерватизм: Государственная публицистика. Деятели России. СПб.: Росток, 2011. 896 с.
- Ковалева 2002 — Ковалева И. В. *Ценности правовой культуры в представлениях российского общества конца XIX — начала XX веков*. Великий Новгород: НовГУ, 2002. 159 с.
- Кони 1991 — Кони А. Ф. “Присяжные заседатели.” *Суд присяжных в России: громкие уголовные процессы*. Казанцев С. М. (сост.). Л.: Лениздат, 1991. С. 28–92.
- Либеральный консерватизм 2001 — *Либеральный консерватизм: история и современность*. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 25–26 мая 2000). Нарезный А. И., Шелохаев В. В. (ред.). М.: РОССПЭН, 2001. 384 с.
- Санькова 2007 — Санькова С. М. *Государственный деятель без государственной должности. М. Н. Катков как идеолог государственного национализма. Историографический аспект*. СПб.: Нестор, 2007. 300 с.
- Твардовская 1990 — Твардовская В. А. *Достоевский в общественной жизни России*. М.: Наука, 1990. 340 с.
- Тихонова 2011 — Тихонова Н. Е. “Особенности нормативно-ценностной системы российского общества через призму теории модернизации.” *TERRA ECONOMICUS*. 9 (2), 2011: 60–85.
- Тонких 2005 — Тонких Н. В. *История эволюции социально-политических взглядов Ф. М. Достоевского*. Дисс. ... канд. ист. наук. ВГУ. Воронеж, 2005. 253 с.
- Филиппова 1995 — Филиппова Т. А. “Российское реформаторство второй половины XIX века: проблема либерально-консервативного синтеза.” *Преподавание истории в школе*. 1, 1995: 2–6.

Для цитирования: Кругликова О. С. Вопрос о судебной реформе 1864 г. в публицистике Н. П. Гилярова-Платонова и Ф. М. Достоевского // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2017. Т. 14. Вып. 4. С. 664–675. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2017.413>

References

- Веремченко 2012 — Veremenko V. A. “Bytovye aspekty pravovogo nigilizma (gosudarstvo i dvorianskaia sem'ia v Rossii v kontse XIX — nachale XX vv.) [Social aspects of legal nihilism (state and a noble family in Russia in the end of 19th — beginning of the 20th centuries)].” *Rossiiskaia deistvitel'nost' XIX — XX vv. i revoliutsionnyi protsess* [Russian reality in the 19th–20th centuries and the revolutionary process]. St. Petersburg: Liki Rossii, 2012. P. 102–120. (Russian)
- Вольвач 2001 — Vol'vach V. G. “Rossiiskaia i zapadnoevropeiskaia sistemy tsennostei v sotsial'no-politicheskoi praktike [Russian and West European systems of values in social and political practices].” *Omskii nauchnyi vestnik — Omsk Scientific Bulletin*. 15, 2001: 37–42. (Russian)

- Гиляров-Платонов 1899 — Giliarov-Platonov N.P. *Sbornik sochinenii* [Collection of works]: In 2 vols. Vol. 1. Moscow: K. P. Pobedonostsev Publ., 1899. 497 p. (Russian)
- Демичев 2001 — Demichev A. A. “Periodizatsiia istorii suda prisiiazhnykh v Rossii [Periodization of the history of court in Russia].” *Zhurnal rossiiskogo prava — Journal of Russian Law*. 7, 2001: 137–150. (Russian)
- Дорошева 2005 — Dorosheva E. V. *Dostoevskii i russkii sud kak osnova natsional’no-pravovoi etiki: fenomenologiya obrazov* [Dostoevsky and Russian court as a basis of national legal ethics: Phenomenology of images]. Abstract of the thesis for Doctor of Philology. KubSU. Krasnodar, 2005. 24 p. (Russian)
- Достоевский 2011 — Dostoevskii F. M. *Dnevnik pisatel’ia* [Diary of a writer]: In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Knizhnyi klub 36.6, 2011. 800 p. (Russian)
- История российского правосудия 2012 — *Istoriia rossiiskogo pravosudiia* [History of the Russian legislation]. Kolokolov N. A. (ed.). Moscow, 2012. 448 p. (Russian)
- Катков 2011 — Katkov M. N. *Sobranie sochinenii* [Collection of works]: In 6 vols. Vol. 2. *Russkii konservatizm: Gosudarstvennaia publiksistika. Deiateli Rossii* [Russian conservatism: State journalism. Outstanding people of Russia]. St. Petersburg: Rostok, 2011. 896 p. (Russian)
- Ковалева 2002 — Kovaleva I. V. *Tsennosti pravovoi kul’tury v predstavleniakh rossiiskogo obshchestva kontsa XIX — nachala XX vekov* [Values of the legal culture as perceived by the Russian society in the end 19th — beginning of the 20th centuries]. Veliky Novgorod: NovSU, 2002. 159 p. (Russian)
- Кони 1991 — Koni A. F. “Prisiiazhnye zasedateli [Members of the jury].” *Sud prisiiazhnykh v Rossii: gromkie ugolovnye protsessy* [Trial jury in Russia: Notorious legal procedures]. Kazantsev S. M. (comp.). Lenin-grad: Lenizdat, 1991. P. 28–92. (Russian)
- Либеральный консерватизм 2001 — *Liberal’nyi konservatizm: istoriia i sovremennost’*. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Rostov-na-Donu, 25–26 maja 2000) [Liberal conservatism: History and contemporary times. Materials of the Russian research and practical conference]. Narezhnyi A. I., Shelokhaev V. V. (eds.). Moscow: ROSSPEN, 2001. 384 p. (Russian)
- Санькова 2007 — San’kova S. M. *Gosudarstvennyi deiatel’ bez gosudarstvennoi dolzhnosti. M. N. Katkov kak ideolog gosudarstvennogo natsionalizma. Istoriograficheskii aspekt* [A state worker without a state position. M. N. Katkov as the ideologist of state nationalism. Historiographical aspect]. St. Petersburg: Nestor, 2007. 300 p. (Russian)
- Твардовская 1990 — Tvardovskaia V. A. *Dostoevskii v obshchestvennoi zhizni Rossii* [Dostoevsky in the social life in Russia]. Moscow: Nauka, 1990. 340 p. (Russian)
- Тихонова 2011 — Tikhonova N. E. “Osobnosti normativno-tsennostnoi sistemy rossiiskogo obshchestva cherez prizmu teorii modernizatsii [Normative and value system of the Russian society through theory of modernization].” *TERRA ECONOMICUS*. 9 (2), 2011: 60–85. (Russian)
- Тонких 2005 — Tonkikh N. V. *Istoriia evoliutsii sotsial’no-politicheskikh vzgliadov F. M. Dostoevskogo* [History of evolution of social and political views of Dostoevsky]. The thesis for Doctor of Philology. Voronezh State University. Voronezh, 2005. 253 p. (Russian)
- Филиппова 1995 — Filippova T. A. “Rossiiskoe reformatorstvo vtoroi poloviny XIX veka: problema liberal’no-konservativnogo sinteza [Russian reforms at the second half of the 19th century: Problems of liberal and conservative synthesis].” *Prepodavanie istorii v shkole — The teaching of history in schools*. 1, 1995: 2–6. (Russian)

For citation: Kruglikova O. S. The Problem of the Judicial Reform of 1864 in the Publicism of Nikita Gilyarov-Platonov and Fyodor Dostoyevsky. *Vestnik SPbSU. Language and Literature*, 2017, vol. 14, issue 4, pp. 664–675. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2017.413>

Статья поступила в редакцию 2 сентября 2016 г.

Статья рекомендована в печать 8 марта 2017 г.